

нения громоздких табличек, относившихся к тому или иному делу (стр. 142). Однако вавилоняне хранили в своих конторах, архивах и библиотеках тысячи клинописных табличек и без труда ориентировались в них, находя нужные документы. Поэтому причины того, почему вавилоняне не смогли перейти от банковских операций к банковской системе (скажем, такой, как у греков в IV в. до н. э.), целиком следует искать в экономике страны. В частности, как нам представляется, одной из причин являлось то, что хотя деньги были изобретены еще в VII в. до н. э., а в середине V в. они чеканились даже в Палестине и финикийских городах и торговцы многих народов (например финикийцев) широко пользовались не только деньгами своей страны, но и чужеземными, в Вавилонии при купле-продаже и других платежах вместо чеканной монеты уплата производилась слитками серебра различной чистоты, которые каждый раз взвешивались.

Роль такмаров в нововавилонский период до сих пор не исследована, однако утверждение Р. Богерта, что само слово *tamkāru* не встречается в документах этого времени (стр. 128), не соответствует действительности⁴.

⁴ См., например, J. N. Strassmair, *Inschriften von Nabonidus, König*

Ошибочно также предположение автора книги, что преемником Римут-Нинурты из дома Мурашу стал Аршам, который либо сам был членом семьи Мурашу, либо приобрел у последних их «фирму» (стр. 118). В действительности Аршам — персидский вельможа, который при сдаче в наем своего скота прибегал к помощи агентов дома Мурашу.

В заключение следует еще раз отметить, что историки, экономисты и юристы, которые интересуются экономикой древних обществ, с пользой и интересом прочтут рецензируемую книгу. Естественно, по мере обработки и исследования уже изданных многих тысяч юридических и хозяйственных текстов, а также по мере издания новых документов выводы Р. Богерта, вероятно, будут проверены и уточнены.

М. А. Дандамаев

von Babylon, Lpz, 1889, №№ 17, 17; 464,6; 612,4; 749,9; 887,2; 958,13 и др. В нововавилонских документах упоминаются: *tamkāru* («торговец»), *tamkār šarri* («царский торговец»), *tamkārū rabūti* («крупные торговцы»), *tamkār immeri* («торговец овцами»), *rab tamkārī* («старшина торговцев») и т. д.

NICOLAS PLATON, *Crète. Traduit du manuscrit original grec par P. Charamis et J. Marcadé (Archaeologia mundi)*, Genève — Paris — Munich, 1966, éd. Nagel, стр. 236+118 илл.

Доисторический Крит продолжает привлекать к себе внимание исследователей. Вслед за А. Эвансом обследование отдельных мест острова занялись не только иностранные ученые, но и сами греки. К их числу принадлежит и автор названной книги. В настоящее время он является хранителем музея критских древностей в гор. Гераклионе. Открытый им дворец в местечке Закро (на восточной оконечности острова) обогатил науку ценными материалами. Раскопанный дворец не подвергся хищениям грабителей и потому найденный там материал имеет особое значение.

Рецензируемая книга посвящена в общем подведению итогов открытий, сделанных до сего времени на острове. Она вышла в серии «Археология мира» и так же, как и намечаемая книга о Микенах, предназначена для широкого круга читателей. По сравнению с появившейся у нас ранее обстоятельной книгой Дж. Пендлбери «Археология Крита» (русс. пер. Я. М. Боровского, под ред.

В. В. Струве, М., 1950) Платон доводит свое изложение до времени микенского господства и не касается позднейших периодов истории Крита. Зато он использует новейшие открытия в области археологии и лингвистики вследствие прочтения значительной части письменных документов. Эти данные позволяют автору говорить о широком культурном влиянии Крита далеко за пределами Эгейского моря (стр. 28—30, 186, 205). Книга написана живым, ясным языком, не перегружена длинными сухими перечнями, подобно книге Пендлбери, что не мешает ей сохранять высокую научную ценность. «Важность вклада Крита, — пишет автор, — в создании греческой цивилизации, наследовавшей ему, а через его посредничество и в появление нашей собственной современной цивилизации, стала теперь уже очевидной». Этими словами наш автор резюмирует содержание своей книги и предвидит возможности еще новых открытий в области древнейшей культуры Крита (стр. 221). Вместе с тем это харак-

теризует и его собственное отношение к известной долей восторженности к изучаемому предмету.

Книга Н. Платона состоит из трех основных частей: 1) проблемы, 2) методы и 3) результаты, причем каждая из этих частей содержит ряд подразделений с особыми заголовками, что с полной отчетливостью раскрывает перед читателем всю последовательность изложения.

Уже Г. Шлиман в последние годы жизни планировал раскопки на месте древнего Кносса; первые попытки были сделаны греком Калокеринном, но только после перехода острова под протекторат Англии в 1899 г. А. Эвансу удалось организовать систематическое исследование дворцов в Кноссе, а за этим начались раскопки специальными миссиями итальянцев, французов, немцев, американцев и самих греков в разных местах острова, особенно в Фесте, Гурнии, Агнос-Триада, Гортине, пещере Камарес и др. Естественно, что перед исследователями встало много вопросов об особенностях новооткрытой культуры и о ее носителях, о племенной их принадлежности и языке, об отношениях с жителями островов и материковой Греции, в частности с микенской культурой, Египтом, хеттами, шумерийцами и вавилонянами и др. Крит оказывается центром, в котором скрещивались различные влияния. Наконец, разрешения требует вопрос о роли минойцев, ахейцев и дорийцев (стр. 15—74).

В специальной главе о методах автор останавливается на скудных литературно-мифологических воспоминаниях и пережитках и особенно на изучении топонимики, которая дает указания на догреческие элементы, например, в названиях Кносс, Амнис, Тилис, Лабиринф и др. Об этом же свидетельствует и дешифровка линейного письма В, показавшая, что мы имеем дело уже с древнейшими формами греческого языка, близкого к языку поэм Гомера.

Понятно, что во всяком историческом исследовании большое значение имеет датировка древних памятников, хотя бы только установление их хронологической последовательности. Обычно в этом вопросе следуют методу А. Эванса, который, опираясь на наблюдения над развитием техники керамики, наиболее богато представленной среди критских находок, разделил всю историю древнего Крита на три основных периода — ранний, средний и поздний минойские периоды с дальнейшими подразделениями каждого из них. Наш автор отмечает искусственность такой периодизации и особенно подчеркивает игнорирование крупных физических катастроф — землетрясений, дважды разрушивших критские дворцы, и устанавливает новый принцип — период додворцовый, период первых дворцов, период вторых дворцов, период последдворцовый.

Но при всем этом все-таки наиболее точной будет хронология, основанная на сопоставлении с точно известными данными истории Египта, Вавилона и др. Автор настаивает на строгом соблюдении метода стратиграфии и дает довольно подробное описание. Он знакомит и с новыми методами датировок (радиоуглеродный метод), но признает за ними пока лишь приблизительное значение. Мы находим и описание методов обработки, реставрации и экспозиции находок (стр. 77—120).

Пожалуй, самой важной частью книги является описание главных открытий. Остатки неолитической культуры относятся ко времени 6000—2600 гг. до н. э. В середине III тыс. начинается обработка меди. Но остается спорным, какому населению принадлежит это достижение — местному или пришлому. Наличие коллективных погребений как будто указывает на родовые организации. К этому времени относится строительство первых дворцов, приблизительно 2000—1700 гг. Автор знакомит нас также с развитием керамики и других видов ремесла и искусства. Можно говорить уже о развитии экономики и о появлении иероглифического письма, о развитии внешних сношений. Какая-то геологическая катастрофа около 1700 г. привела к полному разрушению этих первых построек. Однако вскоре на тех же местах выросли новые, еще более грандиозные постройки, которые превзошли прежние своими размерами и великолепием. Высокий расцвет культуры, как видно по находкам отдельных предметов египетского и вообще иноземного производства, можно датировать периодом от 1700 до 1380 г. до н. э. К этому времени относится и линейное письмо В. Автор отмечает жизнерадостный характер искусства, отличающий его от египетского и восточного. Это время отмечено строительством дорог, водопроводов, гостиниц и т. п. (стр. 160—165). Бросается в глаза в жизни этого времени большая роль женщин, может быть, вследствие того, что мужчинам приходилось слишком много времени проводить в походах и на море. Весь строй характеризуется как бюрократический (стр. 172). Платон говорит и о наличии рабов, но считает, что количество их было невелико. Наш автор упускает, однако, из виду естественный вопрос, а кто же строил эти дворцы, дороги и обрабатывал землю? Многочисленные остатки хозяйственного инвентаря позволяют говорить о высоком развитии ремесла и торговли. Домашняя утварь и живопись дают представление о частной жизни и даже о жизни в окрестных деревнях. Приводится много данных, свидетельствующих о религиозных представлениях и культах — почитание природы в женском образе, культ двойной секиры, тотемистический культ быка, нашедший отклик в грече-

ских мифах о Минотавре, Европе и Пасифае и др. Некоторые культовые сцены воспроизведены на перстнях, а надписи на табличках позволяют угадывать имена греческих богов, например, Потидас — Посейдон и др. (стр. 189—201).

Конец этой пышной культуры предугадывается в постепенном снижении ее качества, в утрате прежнего чувства меры и стройности пропорций, в преобладании абстрактности. Остатки построек в Фесте, Тилиссе, Агилос-Триаде и других местах содержат типичные черты микенского мегарон. Новые поселения появляются в западной части острова, которая прежде была слабо заселена. Теперь здесь повсюду обнаруживают остатки материковой культуры. Известное из Гомера царствование Идомея включается уже в серию сказаний о Троянской войне. Сильное землетрясение около 1400 г. разру-

шило дворцы. А последовавшее за этим передвижение греческих племен явно вызвано натиском дорийцев около 1000 г., за которым наступает по всей Греции «темный век», сохранявший в своих сказаниях воспоминание об угасшей культуре. Потомки первоначального критского населения удерживались еще и впоследствии под названием «этеокритян», т. е. подлинных критян.

Таково в общем содержание этой интересной книги. Оно хорошо дополняется хронологической таблицей, содержащей сопоставление системы автора с системой А. Эванса и данными египетской и месопотамской хронологии. А большое количество прекрасно исполненных иллюстраций оживляет читаемый текст.

С. И. Радциг

HERMANN-JOSEPH DIRKSEN, *Die aischyleische Gestalt des Orest und ihre Bedeutung für die Interpretation der Eumeniden*, Nürnberg, 1965, XII + 148 стр.

Рецензируемая работа строится в духе обширного интерпретирующего комментария к «Евменидам» Эсхила с точки зрения того, как изображен в трагедии Орест. Сразу же следует заметить, что если в оценке образа Ореста в «Хозфорах» и, в частности, значения огромного коммоса в центре трагедии до сих пор существуют две прямо противоположные тенденции, связанные с именами В. Шадевальдта и А. Лески, то поведение Ореста в «Евменидах» не вызывает обычно у исследователей древнегреческой трагедии особых разногласий. Большинство из них в той или иной мере присоединяется к мнению Виламовица, считавшего Ореста в «Евменидах» фигурой без характера, без раскаяния и страха, почти что не действующим лицом, а как бы «составом преступления» (*corpus delicti*). При всей категоричности этой формулировки, вообще свойственной Виламовицу, нельзя не признать, что образ Ореста в «Евменидах» (в отличие от «Хозфор») не отличается глубиной ни нравственной проблематики, ни психологического содержания. Проблемы, составлявшие самую суть его поведения в предыдущей трагедии, перенесены в «Евменидах» в план столкновения между божественными силами и при их непосредственном участии.

Г.-И. Дирксен вступает в своей работе в решительную полемику с такой точкой зрения. Разумеется, он не отрицает значения божественных участников «Евменид», но стремится обосновать и объяснить их роль, исходя из внутренней

структуры образа Ореста. По его мнению, Орест в «Евменидах» не только сознает противоречивость своего поступка («...in Orest liegen zwei Welten im Streit...», стр. 25; «innere Zerrissenheit», стр. 90, прим. 12), но им владеет также чувство вины, не заглушенное никакими ритуальными очищениями и весьма близкое к совести; персонификацией этого последнего понятия являются, наряду с их другими функциями, Эринии (стр. 17, 23, 25, 38, 46, 51, 60, 67, 83 сл., 103, 117—122). Трагический конфликт «двух миров» достигает вследствие «выносливости и стойкости» Ореста (*Durchstehen und Ertragen*) такой остроты, что сами боги должны вступить в него в состоянии «непримиримого противоречия» (стр. 2). Смысл последней части «Орестей» Дирксен видит, соответственно, в том, что в горниле испытаний, наряду с новой формой государственного устройства — полисом, рождается и новый образ человека, не только несущего в себе гармонию старого и нового мира, но и преодолевающего ограниченность старых и новых богов (стр. 34, 60, 105, 113).

По поводу эсхилевских представлений о полисе как высшем единстве, должествующем подчинить себе противоборствующие силы и тем самым обеспечить гармоническое равновесие между гражданским коллективом и индивидом, у Дирксена сказано много верного и содержится много наблюдений и замечаний, полезных для каждого, кто серьезно занимается Эсхилом. В частности,

Дирксен справедливо обращает внимание на элементы критического отношения Эсхила к дельфийскому культу Аполлона (стр. 61, 66, 101), хотя и трудно согласиться с его утверждением, будто появление призрака Клитемстры в прологе и некоторые детали в характеристике Эриний способны вызвать сострадание и даже пробудить симпатии зрителей к ним (стр. 12—14). Другим превеличением представляется мне позиция, занятая Дирксеном по отношению к немаловажному для трагедии вопросу о значении для общества мужского и женского начала. Как известно, Эсхил, высоко оценивая институт моногамного брака (ст. 213—218), в то же время достаточно недвусмысленно подчеркивает главенствующую роль в нем мужчины — и в плане популярной тогда естественнонаучной теории (ст. 658—666), и в плане общественно-бытовом (ст. 735—740). Да и конечное примирение Эриний с Афиной знаменует переход старых, матриархальных богинь на позиции демократического полиса, руководимого мужчинами, — другое решение этого вопроса было бы невозможно в государстве, где женщина не пользовалась никакими политическими и юридическими правами. Поэтому Дирксен явно смещает историческую перспективу, утверждая, будто Эсхил видел в браке символ гармонии «мужского» и «женского» и считал его «структурно родственным полису» (стр. 15, 105).

Наконец, достаточно односторонней является характеристика эпохи, непосредственно предшествовавшей появлению «Орестей». Основным содержанием этого двадцатилетия (примерно 480—460 гг.) Дирксен считает «обуздание и очищение» тех «наступающих рациональных сил, которые стали политически действительными в лице Алкмеонида Клисфена и затем Фемистокла и чье относительное превосходство признавал Эсхил», видевший якобы также и то, что наступление этих сил грозит нарушить гармонию, сложившуюся после побед в персидских войнах. Носителем этого идеала в общественном плане был для Эсхила, по мнению Дирксена, ареопаг, в персональном плане — Кимон, олицетворявший в себе «счастливую гармонию социологических, мировоззренческо-политических и религиозно-этических противоречий» (стр. 115—116). Однако подобное отождествление грандиозной общественно-политической концепции Эсхила с единичным (пусть даже блестящим) представителем его эпохи очень сужает глубокий философский смысл трилогии, не говоря уже о том, что отношение Эсхила к ареопагу Дирксен рассматривает крайне односторонне. Поэтому он с таким явным неодобрением относится к другим несомненным «актуализмам» Эсхила в области внутренней и внешней политики (стр. 33, 47, 49), между тем как учет этих хорошо иссле-

дованных в науке фактов позволяет представить себе общественную позицию «отца трагедии» в гораздо более широком плане.

Впрочем, как бы ни оценивать в работе Дирксена отдельные стороны концепции «полиса», главным для него является образ Ореста, и рассмотрение им этого вопроса в свете нынешнего состояния изучения античности выходит за рамки частного исследования в области древнегреческой литературы. Дело в том, что в понимании духовной культуры архаической и классической Греции в западно-европейской классической филологии существуют сейчас известные расхождения. Уже в 20—30-е годы как (осознанная или неосознанная) реакция на ту идеологическую модернизацию античности, которая в софоловской «Антигоне» искала по-фрейдистски истолкованную любовь сестры к родному брату, эврипидовскую Федру сопоставляла с эмбеоновской Геддой Габлер и т. д., возникло направление в исследовании ранней греческой культуры, связанное в первую очередь с именами Г. Френкеля и Б. Снелля. Представители этого направления стремились показать, что внутренний мир человека, сфера его духовной деятельности становится в греческой литературе объектом художественного изучения далеко не сразу, а только в результате длительного процесса развития; Снелль удачно обозначил суть этого процесса в названии своей известной книги как «открытие духа» (die Entdeckung des Geistes). Соответственно было установлено, что изображение индивида в эпосе, лирике и трагедии обладает целым рядом признаков, отличающихся друг от друга и особенно от современных принципов изображения человека.

Со временем, однако, возникла ответная реакция на сформулированную выше точку зрения. Стали высказывать опасения, не преувеличивают ли сторонники названного направления собственно архаическое в изображении человека архаического периода в ущерб общечеловеческому содержанию образов и не вредит ли такое понимание древнегреческой культуры духовной преемственности человечества¹. Рецензируемая книга возникла

¹ Например, O. Seel, Zur Vorgeschichte des Wissens-Begriffes im altgriechischen Denken, «Festschrift F. Dornseiff», Lpz, 1953, стр. 291—319; Ф. Шахермейер (F. Schachermayer, Griechische Geschichte, 1960), на которого ссылается Дирксен (стр. IX), подходит к вопросу о параллелизме в развитии античной и новой европейской цивилизации гораздо разностороннее. Хотя он и склонен сопоставлять смену основных этапов античной духовной культуры (доклассический, классический и послеклассический, который он отождествля-